

ОНАЧАЛУ я знал о Санине отце не больше, чем другие: в тридцатых годах репрессирован, погиб.

Во время наших разговоров в Байкало-Кударе, в доме Владимира Никитича*, выяснилось, что род Вампиловых очень большой. У Сани было три дяди, много других родственников по отцу. Иные из них в годы сталинщины не отважились сохранить прежние связи с семьей «врага народа» — для этого тогда нужна была смелость. Но братья Валентина Никитича не оставляли без заботы его осиротевших детей. С особенной благодарностью Саня относился к дяде Володе, в доме которого проводил каникулы еще школьником.

Много позже открылись для меня новые подробности жизни Валентина Никитича. В Улан-Удэ я познакомился с его дочерью от первого брака — Ириной и Сэржени. Обе хорошо помнят отца, хранят много старых семейных фотографий. Сестры любезно предоставили мне ценнейший документ — копию письма Валентина Никитича, написанного им накануне ареста.

С Сэрженой Валентиновной, преподавателем местного пединститута, мы часто и подолгу беседовали о родословной Вампиловых, об ее отце. Я понимал, что должен записать ее рассказ с документальной точностью. Так появилась магнитофонная запись одной из наших бесед. Привожу ее с небольшими сокращениями.

С. В. Отцом Валентина Никитича был Будихал, после крещения он стал носить имя Никита. У него было четверо сыновей: старший — мой отец, его бурятское имя — Багда, а при крещении он получил имя Валентин; затем Владимир, Цыбен и четвертый, младший, — Аюша. Когда в возрасте тридцати шести лет неожиданно умер мой дед, отец папы, семье пришлось очень туго. Как старшему, моему папе пришлось взять заботы о семье на себя. Он закончил церковноприходскую школу, затем гимназию, кстати сказать, с золотой медалью, поступил в Иркутский университет. Но с третьего курса вынужден был уйти, так как к этому времени женился на моей матери, Марии Ефимовне Мохосоевой. Был он очень способным, даже талантливым учеником и студентом. Например, когда учился в гимназии, то одновременно служил репетитором у сына иркутского генерал-губернатора, занимался с ним русским и немецким языками. Одно то, что отец хорошо владел русским языком, удивительно по тем временам, потому что не многие из бурят тогда знали его в совершенстве. А тут еще и немецкий язык... Освоить его папе помогли пленные. После первой мировой войны в нашем доме жили два немца. Они учили местных крестьян производить колбасу, буженину, сыр... Мой отец владел немного и французским языком. Когда он стал бывать в доме губернатора, то познакомился с воспитательницей-француженкой и брал у нее уроки. Словом, папа для своего времени был человеком довольно образованным.

Революция застала его в Иркутске. Ему было девятнадцать лет. Он писал стихи и, по рассказам дяди Цыбена, нередко читал их на взбудораженных улицах города, среди толпы, встав на какой-нибудь ящик. У меня сохранились стихи папы, прочту несколько строк:

*О, милые братья!
Раскройте объятия
Друг другу скорей!
Сбылись желанья,
Грезы, мечтанья
Долгих дней.*

*Из дали туманной
Пришел тот желанный
Торжественный час.
Угасла та сила,
Что рано глушила
Все лучшее в нас.*

*Промчались грозы —
И радость, и слезы
Вместе в груди.
Бодрее вперед!
Ведь счастье ждет
Нас впереди!*

Уйдя из университета, отец вернулся в родное село Аларь. Стал работать учителем русского языка и литературы. Он был таким педагогом, что о нем с восторгом до сих пор вспоминают его

ученики. Они помнят, как в 1937 году, в столетие со дня гибели Пушкина, папа выступал в районном клубе с докладом о великом поэте. Помнят его интонации, в которых чувствовалось благоговейное отношение к Пушкину. Рассказывают о том, как папа ставил на сцене в Кутулике трагедию «Борис Годунов». Он специально ездил в Иркутск, чтобы достать костюмы для своих артистов — учеников средней школы.

Дядя Цыбен вспоминал о своей встрече с папой в Москве. Мой отец приехал туда на курсы преподавателей русского языка. А дядя учился тогда на физико-математическом факультете Московского университета. Так вот, Цыбен Никитич говорил с удивлением: «Я не предполагал, что Валентин так превосходно знает историю и литературу. Исторические места столицы помнил назубок. А литературу... Стоило подойти к памятнику Пушкину, брат начинал декламировать стихи. «Евгения Онегина» знал наизусть. Не говоря уж о лирических произведениях. Очень многое из Пушкина держал в памяти».

А. Р. Сэржена Валентиновна, полистайте, пожалуйста, ваш фотоальбом, познакомьте со снимками...

С. В. Вот моя бабушка, Пелагея Осиповна. Это была очень умная и мужественная женщина. После смерти дедушки она, еще молодая, осталась с четырьмя детьми. И всем сумела дать образование. Продавала чуть ли не последнюю корову и отправляла сыновей учиться. О папе и Цыбене Никитиче вы знаете. А другие... Владимир Никитич закончил Московский зоотехнический институт, был охотоведом. Аюша Никитич стал инженером, в последние годы жизни работал начальником цеха на авиационном заводе... А это наш дом...

А. Р. Это в селе Аларь?

С. В. Да, в Алари. Это дом первой семьи отца. Мама и папа никогда не ссорились. Но мама моя, Мария Ефимовна, была малограмотной. Умела только расписываться. А папа... Я уже говорила, каким человеком он был... Однажды на учительской конференции он познакомился с Анастасией Прокопьевной Копыловой. Они поняли друг друга, полюбили. Бабушка рассказывала, как разошлись папа и мама: зашли за сарай, поговорили тихо-мирно. Вернулись и объявили: мы расходимся. Мама сказала: я отпущу Валентина, ему будет лучше там... Конечно, не каждая женщина так поступит...

А. Р. А это семья, в которой вырос Саня...

С. В. Да. Сестра его Галя, впоследствии учительница. Брат Миша, он стал геологом. Володя, второй братик. Он умер мальчишкой. А это Саша, совсем маленький, в матроске, в бурятских унтах. Эти унты ему сшила бабушка, Пелагея Осиповна. Мы, дети... из той и другой семьи... мы ведь росли вместе. В Алари и папа, и мы жили на два дома. Папа купил коня, телегу, сани, и мы разъезжали между двумя домами.

А. Р. Сэржена Валентиновна, зная, как Саня относился к Кутулику, я долгое время считал, что этот поселок — его родина. И несколько изданий подтверждали это. В других книгах говорилось, что будущий драматург родился в городе Черемхово. Теперь из письма Валентина Никитича видно, что перед рождением младшего сына он и Анастасия Прокопьевна перебрались в село Аларь. Так где же родился Александр Вампилов?

С. В. Хороший вопрос. В печати на этот счет допускаются неточности, и я рада внести ясность. Перед появлением Саши на свет папа перевелся в Аларскую школу. Здесь была больница, но ее в то лето закрыли на ремонт. И папа увез тетю Тасю в роддом в Черемхово. Здесь Саша и появился. Я думаю, что близким для него местечком, кроме Кутулика, где он провел детство, можно считать и Аларь. Сюда его привезли из роддома. Здесь он, пятимесячный, лежал в колыбели, когда отца арестовали...

А. Р. Теперь самое время послушать, почему же арестовали Валентина Никитича.

С. В. Об этом он сам рассказал в письме, которое направил в Иркутский областной отдел народного образования и в обком профсоюза работников просвещения. Оно датировано 23 декабря 1937 года...

* Дядя Александра Вампилова. Он жил в Вурятии, в большом селе на берегу Байкала, и работал директором промыслово-охотничьего хозяйства. В тех же местах родился и вырос автор повествования. После второго курса университета, на летних каникулах, А. Вампилов приезжал сюда, о чем рассказывается в других главах книги. (Прим. ред.)

Тут я прерву рассказ Сэржены Валентиновны и поясню, почему же это письмо при огромном интересе ко всему, что касается Александра Вампилова, оставалось до сих пор неизвестным. Сейчас трудно сказать,